

«Чего ради я злюсь?» — задал себе резонный вопрос Линь Яньюй.

Если Цинь Цзуйкуан вознамерился погубить себя, то в добрый путь. В конце концов, Линь сделал для него всё, что было в человеческих силах, и даже больше — долг перед совестью можно считать исполненным.

Как-никак, этот человек в будущем должен стать тем самым великим злодеем, финальным боссом. Неужели он всерьёз поверил, что если тот сейчас строит из себя покорную овечку, то навсегда останется верным слугой?

Стоит парню однажды сбросить печать и взлететь к небесам — всем вокруг несдобровать. Чем беспокоиться о чужой судьбе, лучше бы подумать о собственной.

Пройдя часть пути, он постепенно остыл и перестал хмуриться.

Цюань Фушуй всё это время украдкой наблюдал за ним. Когда они достигли развилки, он всё же не выдержал:

— Младший брат Линь, скажу прямо: твоя затея привести этого ученика внешней секты во внутреннюю... это не к добру.

Линь Яньюй сдержанно отозвался:

— Я слушаю тебя, старший брат.

— Оставим в стороне вопрос о том, зачем тебе понадобилось брать в аптекарские служки этого бесталанного младшего брата Циня. На мой взгляд, ты слишком легкомысленно относишься к пропасти, разделяющей наши миры.

Фушуй вздохнул и продолжил:

— С тех пор как наш основатель Секты Сяньюй воздвиг её на горах, различие между внешним и внутренним кругом стало незыблемым, как разница между облаками и грязью. Это истина, которую никто не в силах изменить, и каждый ученик принимает её как должное. Посмотри вокруг: даже среди тех, кто подметает дворы или бегают на посылках во внутренней секте, много ли найдётся слабаков вроде этого Циня?

Старший брат вновь покачал головой:

— Ты и без того всегда на виду, и многие из внутренней секты почли бы за честь служить тебе. Но ты выбрал его. Как, по-твоему, на это посмотрят другие братья? Каждая крупца твоей заботы обернётся для него десятикратной ненавистью со стороны остальных.

— Но разве я сам когда-то не проделал тот же путь из внешней секты во внутреннюю? — возразил Линь Яньюй.

— Это совсем иное, — отрезал Цюань Фушуй. — Твоих сил было достаточно, чтобы не просто войти сюда, но и возвыситься над многими. А младший брат Цинь слаб. Его совершенствование ничтожно, он не может доказать своё право находиться здесь. Поверь, это станет причиной долгой и горькой смуты.

Линь Яньюй промолчал. В душе его поселилось смутное сомнение: «Неужели я и впрямь совершил ошибку?»

Увидев, что его слова достигли цели, Цюань Фушуй не стал развивать тему.

— Я пойду разыщу старейшину Лэна, чтобы он выписал опознавательный жетон для младшего брата Циня, а затем пришлю кого-нибудь к твоей обители. Если к тому времени ты передумаешь, сможешь распорядиться иначе.

Поблагодарив его, Линь Яньюй направился к своей пещере.

Фан Дабинь давно закончил работу и теперь бездельничал в саду. Заметив, что Яньюй вернулся один, он с недоумением спросил:

— Старший брат Линь, а где Сяо Цинь? Вы его не нашли?

Яньюй холодно посмотрел на него:

— Он занят по горло.

— И чем же это? — Дабинь озадаченно почесал затылок. — Неужели до сих пор разгребают те отбросы?

Линь Яньюй не удостоил его ответом. Он вошёл в пещеру и активировал запретное ограничение — сейчас ему больше всего хотелось, чтобы его оставили в покое.

Что же до Цинь Цзуйкуана... как только разберутся с этими никчёмными Чэн Хуном и Чэн Жуюем в Зале наказаний, пусть проваливает. Откуда пришёл — туда и дорога. Так будет лучше: и Линь избавится от лишней обузы, и парня перестанут травить. Держать при себе такую «мину замедленного действия» — сомнительное удовольствие.

Достав из пространственного мешка пилюлю, приготовленную мастером Даньхао, Яньюй проглотил её и погрузился в медитацию.

Честно говоря, с момента своего пробуждения в этом мире он так и не осознал в полной мере масштаб своего могущества. Если бы не золотая сфера, вращающаяся в его даньтяне, он бы и не догадался, что находится на поздней стадии Формирования Ядра.

О силе же окружающих он и вовсе имел лишь смутное представление. Проклятая система наотрез отказывалась показывать атрибуты персонажей, а подробности иерархии миров из прочитанных когда-то романов напрочь вылетели из головы.

«Не хочешь помогать — и не надо», — сердито подумал он. Рано или поздно он избавится от этого навязчивого интерфейса. В конце концов, пора привыкать жить в этом мире своим умом.

Когда действие лекарства иссякло, Линь Яньюй очнулся от транса. Он вышел наружу: небо уже окрасилось багрянцем заката, а в вышине, перекликаясь, пролетали облачные журавли, спешащие к своим вольерам.

Корзина с кормом исчезла — видимо, Фан Дабинь уже ушёл кормить птиц.

Яньюй бесцельно побродил вокруг, но так и не обнаружил Цинь Цзуйкуана. На сердце стало тяжело.

«Какое мне дело, где он болтается? Вернётся, когда захочет».

С этой мыслью он вернулся в пещеру, но не просидел и пяти минут, как снова вскочил на ноги.

«Ладно. Заберу его в последний раз. Как только закончим в Зале наказаний — вышвырну его».

Придумав себе это шаткое оправдание, Яньюй поспешно вышел из обители.

Учеников на тропах почти не осталось — в этот час большинство уже разошлись по своим пещерам. Путь до Обители Небесной Печи он проделал в одиночестве.

Приближаясь к площади, Линь Яньюй вспомнил предостережение Фушуя и решил не обнаруживать себя. Он скользнул в тень, опасаясь, что если его заметят за поисками слуги, это породит новые слухи.

На площади оставалось пара десятков человек; большинство из них погрузились в глубокое сосредоточение над своими тренажерами. Стараясь не шуметь, Яньюй обогнул их и направился к полям с отходами за площадью. Там он и увидел Цинь Цзуйкуана.

Тот всё ещё не закончил работу. Позади него сиротливо стояли шесть полных ведер с алхимическим шлаком.

Линь Яньюй замер в тени, пристально оглядывая фигуру парня. На первый взгляд — цел, ран не видно.

Но вдруг Цинь Цзуйкуан выпустил ручку ведра. Тяжёлая бадья с грохотом покатила по земле, рассыпая содержимое, но он даже не шелохнулся, чтобы поднять её. Парень лишь низко согнулся, спрятав руки на груди, будто пытался подавить невыносимый приступ боли.

Яньюй невольно сделал шаг вперёд.

«Его руки... что с ними?»

Запястья Цзуйкуана были обмотаны толстым слоем тряпиц. В сумерках Линь не заметил этого сразу, но теперь, сосредоточив взгляд, увидел всё отчётливо.

Ради того, чтобы раздобыть эти треклятые жареные бобы Юнь для Чжан Дали, он всё-таки покалечился. Иного и быть не могло — при его-то ничтожном уровне развития...

Он опустил глаза, пытаясь совладать с бурей, поднявшейся в груди.

Цинь Цзуйкуан тем временем выпрямился. Шатаясь, он подошёл к перевернутому ведру и начал дрожащими пальцами собирать рассыпанный шлак прямо с земли.

Ему было больно. Невыносимо больно. Каждое движение заставляло его замирать на долгие секунды, восстанавливая дыхание. В последних лучах заходящего солнца Яньюй ясно увидел: белые лоскуты на его руках стремительно пропитываются алым.

Линь Яньюй вышел из тени, подошёл к нему и молча опустился рядом, помогая собирать отходы.

Заметив его, Цинь Цзуйкуан испуганно дёрнулся и поспешно спрятал руки в рукава халата.

— Старший брат... вас не должно быть здесь. Это не ваша работа.

Он едва дышал от боли, лицо было бледным, как полотно, но он умудрялся выжимать из себя жалкую, заискивающую улыбку. Линь Яньюй долго и пристально смотрел ему в глаза, пока тот не перестал улыбаться.

— А что должен делать я? Смотреть, как ты идёшь мне наперекор? Как ты губишь себя?

Линь мёртвой хваткой вцепился в его запястья и рванул руки из рукавов. Короткий импульс духовной силы — и окровавленные бинты разлетелись в клочья, обнажая изуродованную плоть.

Обугленная кожа, вздувшиеся багровые волдыри, сочащаяся сукровица... это уже нельзя было назвать руками.

Линь Яньюй заговорил с дрожью в голосе:

— Я ведь велел тебе уходить! Какого чёрта ты полез за этими жареными бобами Юнь? Ты совсем лишился рассудка?!

Поняв, что скрываться бесполезно, Цинь Цзуйкуан перестал сопротивляться. Он сунул руку за пазуху, достал оттуда нечто и, бережно удерживая это на ладонях, протянул Линь Яньюю. Он произнёс с робкой надеждой:

— Я увидел эти три камня... они показались мне необычными. Я подумал, что старшему брату они могут понравиться... вот и достал их.

Линь Яньюй, даже не взглянув на подношение, яростно смахнул его на землю:

— Сдались мне твои паршивые камни!

<http://bllate.org/book/17424/1657000>